

УДК: 130.2; 808.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-9

Егоров Н. С.

**Личностное литературоведение. Заметки на полях книги
А.Н. Андреева «Школа персонцентрического
литературоведения» (Москва, 2025)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
jivaturik@yandex.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается вопрос о месте школы персонцентрического литературоведения в общей композиции основных векторов постижения литературы. Особое внимание уделяется возможности исследования текста путем выявления личностных и надличностных детерминант творчества. Через дихотомию личностного и надличностного осмысляются идеологические и социологические компоненты литературной целостности, а также новые понятийные объемы, предложенные в книге для классических гуманитарных понятий. Отмечается, что книга А.Н. Андреева не может быть в полной мере отнесена к области личностного литературоведения в связи с установлением А.Н. Андреевым определяющей роли надличностных детерминант литературного процесса.

Ключевые слова: персонцентрическое литературоведение; Анатолий Николаевич Андреев; личностное литературоведение; личность; автор; идеология

Для цитирования: Егоров, Н. С. (2026), «Личностное литературоведение. Заметки на полях книги А.Н. Андреева “Школа персонцентрического литературоведения” (Москва, 2025)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 203-208. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-9

N. S. Egorov

**Personal literary criticism. Notes on the margins of A.N. Andreev's
book “The School of Personocentric Literary Criticism”
(Moscow, 2025)**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
jivaturik@yandex.ru

Abstract. The review examines the question of the place of the school of personocentric literary studies in the overall composition of the main vectors of comprehension of literature. Particular attention is paid to the possibility of analysing a text by identifying the personal and transpersonal determinants of creativity. Through the dichotomy of the personal and the transpersonal, the ideological and sociological components of literary integrity are comprehended, as well as new conceptual volumes proposed in the book for classical humanitarian concepts. It should be noted that the book by A. N. Andreeva cannot be fully attributed to the field of personal literary criticism, given that

A. N. Andreev established the defining role of transpersonal determinants in the literary process.

Keywords: personocentric literary criticism; Anatoliy N. Andreev, personal literary criticism; personality; author; ideology

For citation: Egorov, N. S. (2026), “Personal literary criticism. Notes on the margins of A.N. Andreev's book ‘The School of Personocentric Literary Criticism’ (Moscow, 2025)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 203-208. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-9

Исследование личностных и лично-биографических аспектов творческой деятельности, составляющих одно из измерений литературного процесса и истории искусства, – давний и, разумеется, открытый вопрос. То, что можно назвать личным в области постижения литературы и искусства, связано с поиском твердо очерченной фигуры автора, портретированной через экзистенциальную, этическую, биографическую, психологическую, культурно-историческую оптику. Еще И. Тэн предлагал «войти в мелочь частной жизни великих художников и великих писателей» (Тэн, 1996: 26). Ш.-О. Сент-Бёв писал о современных ему литераторах: «Я сужу не об их произведениях, а о самой их личности» (Сент-Бёв, 1987: 52). Область личного в постижении литературы безгранична и существует в целом спектре направлений, уделяющих внимание автору, авторскому голосу, авторскому намерению, авторской ответственности.

Особенную позицию к этой области занимает недавно вышедшее исследование А.Н. Андреева «Школа персонцентрического литературоведения». На наш взгляд, работа несомненно заслуживает внимания тем, что позволяет сосредоточиться на междисциплинарном статусе автора и авторства.

Название книги как будто провоцирует аналитическое сопоставление «личного» и «авторского». Собственно, «личность» в европейских языках обозначается словами, происходящими от латинского “persona”. Можно ли считать персонцентрическое литературоведение личностным? Или считать новую школу персонцентрического литературоведения проектом «возвращения» или «воскрешения» автора?

Рассуждая о понятии авторской школы, А.Н. Андреев понимает под автором не объект изучения, а, скорее, собственную субъективно-центрированную установку исследования: «Начало авторской школы персонцентрического (лично ориентированного) литературоведения было положено в 1995 году, когда была опубликована монография “Целостный анализ литературного произведения” (Андреев А.Н. / Минск: НМЦентр. – 144 с.). Далее в 1998 году мною в МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена докторская диссертация “Целостность художественного произведения как литературоведческая проблема”» (Андреев, 2025: 7).

Методологически организованные, программные размышления А.Н. Андреева структурно моделируют целостный анализ как серьезное направление «отечественной литературоведческой мысли на рубеже XX–XXI столетий» (Андреев, 2025: 5).

А.Н. Андреев предупреждает: «Читателю нашей книги (да и любой другой литературоведческой книги) придется столкнуться с ситуацией терминологического хаоса» (Андреев, 2025: 17). Близкое расположение терминов «авторская школа» и «персонцентрическая школа» действительно можно назвать дисгармоничным. Но в отношении полисемии «автора» и «читателя», на примере которых А.Н. Андреев говорит о хаосе, подобное заявление уязвимо. Отходя от литературоведческой сферы и рассматривая наиболее значимые категории гуманитарной мысли («Бог», «любовь», «истина», «душа»,

«власть», «культура»), можно обнаружить многослойные, семантически насыщенные абстракции высшего порядка. Все они обретают личные и безличные контексты, могут выходить на различные уровни отвлеченности. То же можно сказать об «авторе»: его «хаос» – богатство контекстуально-обусловленных смыслов, которые могут быть организованы в симфоническое единство. Автор как юридическое лицо, носитель авторского права, не исключает и не ограничивает автора-человека или автора –текстуальную инстанцию, так же как представление о Боге-Абсолюте не исключает представление о Боге-Творце или Богочеловеке. При этом в разговоре об авторе нам приходится иметь в виду ряд весомых концептов, редуцировавших эту парадигмальную фигуру гуманитарного мышления. К примеру, у М. Фуко автор сокращается до функции классификации текстов (Фуко, 1996). Предрекают ли подобные редукции, осуществленные исследователями XX века, нашу участь вечного блуждания в хаосе частных взаимоисключающих определений? Напротив, вместо взаимоисключающих линий, мы имеем возможность увидеть автора как смысловой узел, соединяющий (систематизирующий) детерминации, интенции и контексты, наполняющие и обрамляющие индивидуальное творчество (Егоров, 2024). Целостный анализ, применяемый А.Н. Андреевым, предлагает другой порядок обобщения: «Моментами целостности (в разной степени) могут выступать личность, эпоха, автор, произведение, читатель, традиция, современный контекст и так далее» (Андреев, 2025: 26). Таким образом, в фокусе внимания А.Н. Андреева находится не авторская фигура, а произведение как точка сосредоточения идейного и эстетического, художественного и внехудожественного, личного и текстуального (Андреев, 2025: 21, 24, 31). На этих диалектических связях, опутывающих автора и произведение, основывается целостный анализ, который, как замечает А.Н. Андреев, сам по себе уже является понятием диалектическим: целостность как неделимое и анализ как разделение (Андреев, 2025: 19).

Целостность у А.Н. Андреева – карт-бланш на выход из текста в философско-культурологическую и психологическую сферу. При этом интервенция в смежные области знания должна закрепить за литературоведением научный статус: «Как показывает практика, сосредоточенность исключительно на “тексте” и “стиле” не позволяет литературоведению всерьез претендовать на статус науки» (Андреев, 2025: 27). Согласиться с этим трудно, поскольку именно определенность предметной области вкупе с методологией выступают признаками научной дисциплины. Возможно, вместо констатации грядущего расширения предметной области литературоведения уместнее было бы сказать о междисциплинарном масштабе целостного анализа. Сосредотачиваясь на художественном тексте, А.Н. Андреев констатирует «создание персоноцентрического литературоведения» (Андреев, 2025: 38). Впрочем, персоноцентрическая линия доминировала в осмыслении истории литературы (искусства) вплоть до провозглашения авторской смерти. Сопrotивляясь этой персоноцентрической (субъектоцентрической) линии, Г. Вёльфлин составлял естественную историю искусства, или историю искусства «без имен» (Вёльфлин, 2020); с тем же предложением относительно литературы выступал П. Валери (Валери, 2020).

Что же имеет в виду А.Н. Андреев, говоря о персоне? Персона (сама по себе не имеющая определения в его тексте) ведет к понятию «личность», которое описывается как информационная инстанция, «духовно-психо-физиологический симбиоз» (Андреев, 2025: 131), носитель сознания: «Как показывает практика, без теории сознания оказалось невозможным сформировать представление о предмете исследования для эстетики и литературоведения – таков наш исходный постулат» (Андреев, 2025: 67). Говоря о концепциях личности в произведении, А.Н. Андреев вводит в свою теорию не только авторское и читательское сознание, но и «ансамбль личностей» (Андреев, 2025: 140), который имеет началом мировоззрение и сознание автора (Андреев, 2025: 141, 142).

Между тем, при взаимодействии читателя с произведением «момент сопереживания полностью вытесняет момент сотворчества» (Андреев, 2025: 224). Более развитые личности ценят момент сотворчества. Высшая привилегия творчески одаренных натур – «сотворческое сопереживание» (Андреев, 2025: 224).

Обращаясь к классическим литературоведческим категориям и их соотношениям, Андреев предлагает собственное видение понятийных объемов: «Любой прием поглощается понятием “стиль”, и в этом отношении тождественен ему. Но если стиль является эстетической категорией, то техника – это искусство создавать стиль» (Андреев, 2025: 204). Методологическая решительность А.Н. Андреева порождает чрезмерную эклектичность в пересечениях понятий «человека», «персоны» («персоноцентричности», «персоноцентрической валентности»), «личности», «субъекта» («коэффициента субъекта»), «автора», «писателя». Эти понятия (некоторые из которых подчас используются синонимично) тем не менее иногда получают у А.Н. Андреева особую семантическую нагрузку. Так, о человеке А.Н. Андреев чаще говорит как о носителе психики и интеллекта, тогда как о личности (которой еще надо стать (Андреев, 2025: 225)) – как о носителе разума и информационной структуры. При этом и человек, и личность, и автор, и читатель обладают сознанием.

Несмотря на простой, популярный в синтаксическом отношении стиль изложения, категориальная сложность А.Н. Андреева устанавливает высокий порог доступа для людей, не имеющих профессиональной подготовки.

Итак, сердцевиной целостного анализа является персоноцентрическое литературоведение, которое в свою очередь выдвигает на первый план сознание (авторское и читательское). Эта теоретическая картина, описанная А.Н. Андреевым в первой главе, уже во второй претерпевает смещение акцентов. Детерминирующим элементом целостности предстает не персона (персональные «информационные» и психические свойства), а надперсональная идеология, возвышающаяся над автором и творчеством: «Литература – инструмент идеологии, что вовсе не унизительно; напротив, литература выполняет важнейшую культурную функцию» (Андреев, 2025: 83). Это положение можно назвать наиболее дискуссионным из всех, изложенных в книге. Даже если принять взгляд на идеологию как на технологию выражения идей в образной форме, остается непонятным, в чем заключается инструментальная оригинальность литературы. Инструментами идеологии могут выступать такие феномены человеческой культуры, как кинематограф, архитектура, образование, реклама, мода, спорт. В этом ряду, разумеется, есть место и для литературы, но не вполне очевидным представляется этот ряд и эта оптика в разговоре о персональных, «личных» интеракциях автор-герой-читатель. Можно предположить, что перед автором ставится задача индоктринации читателя посредством текста.

Говоря об идеологических матрицах, например, «Родина. Правда. Победа» (Андреев, 2025: 93), А.Н. Андреев подталкивает к абсолютизации социальной миссии писателя, хотя и выражает более сложное отношение к ней, рассуждая о двух эстетических кредо («искусство для искусства», «искусство для общества») (Андреев, 2025: 211-214). Вызывает сомнение признание тотальности идеологической реальности, которая низводит литературу до инструментального статуса. Таким образом, функция литературы сокращается до «иллюстрации» идей и эстетических программ; творческая единица – до агента социальных коммуникаций: «“Личное” – это и есть “сверхличное”, все личные идеалы, мировоззрения, жизненные программы являются сверхличными по определению (“человек есть совокупность общественных отношений”))» (Андреев, 2025: 152). Творец здесь – не столько транслятор, сколько ретранслятор идей, идеалов, ценностей.

Среди слабых сторон такого взгляда можно назвать отсутствие единых читательских ключей; литературное творчество метафорично, а не директивно, поэтому идеологическая

цепочка «автор-произведение-читатель» имеет ограниченный потенциал. Особенно зыбки позиции тотального идеологизма при анализе постмодернистских произведений, вступающих в идейную и ценностную игру с читателем: постмодернистское произведение, обладающее самодовлеющей формой, является выражением идеологии постмодернизма через форму, а не содержание. Но в таком случае, если отсутствие идеологии, игра с идеологией, тоже считается идеологией, сам термин становится тавтологичным и лишается объяснительной силы. Как бы предупреждая подобный аргумент, в конце книги А.Н. Андреев предлагает социологическое уточнение: «Названия художественной литературы как вида искусства, как формы общественного сознания заслуживает прежде всего <...> Литература Больших Идей, решающая кардинальные духовные проблемы человека» (Андреев, 2025: 267).

Гораздо весомее идеологических (эстетико-идеологических) детерминаций выглядит проблема взаимопредставленности реальности в тексте и текста – в реальности. Но этот фундаментальный теоретический вопрос не рассматривается отдельно, а лишь упоминается в ряду иных проблем, связанных с идеологией (Андреев, 2025: 213).

В заключение можно заметить, что книга А.Н. Андреева представляет собой содержательный труд, обобщающий основные достижения литературоведческой школы. Работа отмечена высоким уровнем методологической рефлексии и междисциплинарной (филологической, философской, культурологической) широтой. Вместе с тем, нельзя не сказать и о спорных сторонах. Терминологическая перегруженность, требующая интенсивной вовлеченности в новые интерпретации классических литературоведческих терминов («метод», «стиль», «пафос» и т. д.) и крупных гуманитарных понятий («персона», «личность», «человек», «идеология») делает «службу понимания» довольно трудной.

Персоноцентрическую школу все же не отнести в полной мере к области личностного литературоведения; слишком интенсивным является внимание к надличностным детерминантам литературного процесса.

Книга, без сомнения, заслуживает пристального внимания и академической полемики вокруг личностных и внеличностных, персоноцентрических и социоцентрических начал литературного творчества.

Литература

- Андреев, А. Н. (2025), *Школа персоноцентрического литературоведения*, Вече, Москва.
- Валери, П. (2020), *Эстетическая бесконечность. Эссе*, пер. с фр. Тайманова, М., КоЛибри, Москва.
- Вельфлин, Г. (2020), *Основные понятия истории искусств*, пер. с нем. Франковский, А. А., Лань, Планета музыки, Санкт-Петербург.
- Егоров, Н. С. (2024), «Автор в культурно-историческом дискурсе», Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону.
- Сент-Бев, Ш.-О. (1987), «Из “Дневника”», *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*, сост., общ. ред. Косикова, Г. К., Издательство МГУ, Москва, 51-53.
- Тэн, И. (1996), *Философия искусства*, пер. с англ. Соболевский, Н., Искусство, Москва. EDN: HADPFХ
- Фуко, М. (1996), «Что такое автор?», *Фуко, М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*, сост., пер. с фр. Табачниковой, С., Магистериум, Москва, 8-48.

References

- Andreev, A. N. (2025), *Shkola personotsentricheskogo literaturovedeniya* [School of personocentric literary criticism], Veche, Moscow, Russia (in Russ.).
- Egorov, N. S. (2024), “The author in cultural and historical discourse”, Abstract of PhD dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Foucault, M. (1996), “What is an author?”, *Fuko, M. Volya k istine : Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [Foucault, M. The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality], Transl. by Tabachnikova, S., Magisterium, Moscow, Russia, 8-48 (in Russ.).

Sainte-Beuve, Ch.-A. (1987), “From the ‘Diary’”, *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stati, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries. Treatises, articles, essays], in Kosikov, G. K. (comp., ed.), Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia, 51-53 (in Russ.).

Taine, H. (1996), *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art], translated from English by Sobolevsky, N., Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: HADPFX

Valéry, P. (2020), *Esteticheskaya beskonechnost. Esse* [Aesthetic infinity. Essays], translated from French by Taimanova, M., KoLibri, Moscow, Russia (in Russ.).

Wölfflin, H. (2020), *Osnovnye ponyatiya istorii iskusstv* [Kunstgeschichtliche Grundbegriffe] [Basic concepts of art history], translated from German by Frankovsky, A. A., Lan', Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Егоров Никита Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; jivaturik@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita S. Egorov, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; jivaturik@yandex.ru